

## ИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ ВРЕМЕННЫЕ ПОНЯТИЯ И ИХ РАЗВИТИЕ В АРМЯНСКОМ И СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ

ЛЮДВИГА САРАДЖЕВА

Время, являясь формой существования материи, включает последовательность, начало и конец, а также продолжительность происходящих в окружающем мире изменений и процессов. В человеческом обществе категория времени, как и любая другая категория, имеет непосредственную связь с производственной деятельностью, в силу чего изменения в жизни общества, его материальной и духовной культуры, развитие человеческого мышления приводят к изменению в системе временных обозначений. Изучение путей изменения обозначений времени, представляющих собой фрагмент физической модели мира, на материале таких языков, как армянский и славянские, имеет не только лингвистическое значение, но и дает ценный материал для истории человеческого познания в целом.

С общечеловеческой точки зрения мир (вселенная) по своей сущности обладает временной полнотой, т. е. охватывает собой все — малое и большое, прошлое и будущее. Естественно поэтому, что мир в качестве объективно данной реальности интерпретируется как метрическое пространство с временной осью<sup>1</sup>. При лингвистической характеристике времени следует учесть, что атрибуты времени интуитивно уподобляются пространственным атрибутам, а трехмерное пространство сводится при этом к одномерному движению процесса вдоль оси времени<sup>2</sup>.

Модели времени в отдельных языках основываются на признаках, выделенных обществом, в зависимости от исторических условий и особенностей восприятия внешнего мира<sup>3</sup>.

В эпоху формирования и.-е. языковой общности, когда у людей еще не сформировалось абстрактно-теоретическое понятие времени, представление о нем, естественно, создавалось через установление отношений между объектами. Суть дела в том, что человеческое познание представляет собой процесс непрерывного углубления от эмпирически кон-

---

<sup>1</sup> Общая теория относительности, учитывающая гравитацию, распространяется на широкий круг явлений и представляет собой самую общую из существующих теорию пространства и времени (А. Эйнштейн, Собрание научных трудов, I, М., 1965).

<sup>2</sup> Г. Б. Джаукян, О принципах построения универсальной лингвистической модели («Всесоюзная научная конференция по теоретическим вопросам языкознания», Тезисы докладов пленарных заседаний, М., 1974, стр. 55).

<sup>3</sup> Согласно Ж. П. Вернану, греческие представления о времени можно рассматривать как предвосхищение различия исторического времени (энтропия) и мифологически вечного хроноса (этропия) (J. P. Vernant, *Mythe et pensée chez les grecs*, Paris, 1965, p. 70).

стативируемых внешних форм существования предмета к его действительному содержанию, которое выражается в единстве всех многообразных и противоречивых форм его бытия. Результатом этого является создание более высоких и сложных семиотических систем.

Возникновение и развитие временных обозначений в языках, восходящих к различным культурно-историческим традициям, является одной из важнейших характеристик духовного развития человеческого общества. Однако, несмотря на то, что лингвистическая модель времени до некоторой степени влияет на поведение коллектива, следует учитывать тот факт, что наряду с особенностями восприятия времени, имеют место определенные общие черты, присущие всему человечеству, что делает возможным осуществление целенаправленной деятельности в пространстве и времени. В этом отношении гипотеза Сепира—Уорфа, в основе которой лежит принцип лингвистической относительности, провозглашающий, что «сходные физические явления позволяют создать сходную картину вселенной только при сходстве или по крайней мере при соотносительности языковых систем»<sup>4</sup>, оставляет необъясненным тот факт, как и каким образом человечество, несмотря на различие языковых систем, везде удачно осуществляет свою общественную деятельность во времени<sup>5</sup>. Анализ особенностей обозначений, относящихся ко времени, выявляет не только своеобразие временных обозначений в отдельных языковых системах, но и то общее, что объединяет разнородные феномены.

Характерной особенностью древнейших представлений о времени, в том числе древних индоевропейцев—предков армян и славян, является осознание его как формы, в которую облекается в данный момент нечто движущееся — изменчивая субстанция, которая по своей природе не может быть устойчивой. Изменения, совершавшиеся в пространстве и времени, вызывали у человека представление о времени, как о форме движения и становления бытия, что выражалось и выражается глаголами движения: ср. лат. *hora ruit* «время проходит», у Вергилия: *Romanos olim uoluentibus annis hinc fore ductores* (Аен., I, 234) — «отсюда со временем пойдут вожди римлян, когда истекут годы», совр. рус. *время идет, проходит, летит*, совр. арм. *zamanakn apsim e*, англ. *the time passes by* «время проходит».

В эпоху существования и.е. языковой общности время, естественно, определялось как своеобразная форма протекания, заполненная действиями и явлениями самого разнообразного свойства, подверженными вечному изменению, но подчиняющимися определенному «порядку». Этот порядок (*ordo rerum*) по представлению индоевропейца управлял движением звезд и человеческими отношениями, был организующим началом, без которого все превращалось в хаос: ср. арм. *ard* «порядок» и *ard* «сейчас, теперь», др.-инд. *rtuḥ* «установленное время, порядок», греч.

<sup>4</sup> Б. Л. Уорф, Наука и языкознание («Новое в лингвистике», М., 1960, стр. 174—175).

<sup>5</sup> Г. А. Бругян, Гипотеза Сепира—Уорфа, Ереван, 1968; С. А. Васильев, Философский анализ гипотезы лингвистической относительности, Киев, 1974.

др.-арм. «только что, ныне» и *արիւն* «подходящий, соответствующий», восходящие к и.-е. \*аг—«связывать, просоединять, прилаживать»<sup>6</sup>.

В древнеармянских и славянских обозначениях времени можно в основном дифференцировать два слоя: древнейший, восходящий к эпохе и.-е. языковой общности, и более поздний, сложившийся в период существования отдельных независимых культурно-языковых традиций.

Теоретически и.-е. временные обозначения как лингвистический феномен, составляющий специальный пласт лексики, можно представить в виде множества событий материального мира, находящихся свое выражение в совокупности временных интервалов (в частности, соотносимость с лунными фазами, восходом и заходом солнца и т. д.). Это множество будет включать, с одной стороны, бинарную систему противопоставлений, представляющую некоторую общую космическую картину мира (утро-вечер, день-ночь, весна-осень, лето-зима), с другой — независимые обозначения, образующие своего рода иерархическую последовательность (мгновение, час, день, месяц, год, век, вечность и т. д.). Древние индоевропейцы еще в первобытный период различали весну, лето, осень, зиму, умели делить месяц на две половины. Главной основой зримиачисления было изменение луны от полнолуния к полнолунию.

На основании лингвистических данных<sup>7</sup> представляется возможной дифференциация следующих противопоставлений:

и.-е. *агес-	„утро“—*vespero-	„вечер“	$\left\{ \begin{array}{l} *nek^{U}t- \\ *pok^{U}t- \end{array} \right.$	„ночь“
и.-е. *деј-	„день“ и „обожествленное небо“			
и.-е. *гесг-	„весна“—*es-ep	„осень“		
и.-е. *сем-	„лето“—*g'heim-	„зима“		

Данные противопоставления широко используются в языках различных традиций, знаменуя собой органическую связь человеческого мышления с природными явлениями. У древних славян и армян мы находим унаследованную ими индоевропейскую основу исчисления времени. Сутки делились на утро, вечер, день, ночь. Слово «день» означало лишь светлую половину суток, но вообще сутки у древних индоевропейцев исчислялись по ночам, когда был виден месяц. В славянских и, по-видимому, в др.-арм. языках наименование «утра» восходит к и.-е. \*агес-<sup>8</sup>; ст.-сл. *utro*, рус. *утро*, прасл. \*ustro < и.-е. \*aus-tro, арм. *afawot* „утро“<sup>9</sup>, куда, помимо приведенных словоформ, восходят лит.

<sup>6</sup> В космогонических мифах, представленных в языках различных культурно-языковых традиций, повествуется об установлении пространственного и временного порядка от некоего абсолютного нуля, когда не было ни земли, ни неба, ни света, ни тьмы, ни дня, ни ночи, ни жизни, ни смерти; об организации и устройстве созданного (отделение земли от неба и воды, установление иерархии миров).

<sup>7</sup> J. Pokorny, *Indogermanisches etymologisches Wörterbuch*, I, Bern und München, 1959; C. D. Buck, *A dictionary of selected synonyms in the Principal Indo-European languages*, Chicago, 1949.

<sup>8</sup> *Հ. Ա. Ե. Մ. Ն. յան, Հայերեն արևմտալեզու բառերի, Երևան, 1971, էջ 256:*

<sup>9</sup> Согласно последнему исследованию Э. Б. Агабяна, армянское слово возводится к и.-е. \*sačel-/\*sunes без суффиксального образования (праформа для арм. слова

aušra „заря“, лтш. austrums „восход“, др.-инд. usga- „ранний“, devīm ušāsam „заря божественная“ (Rv, 3, 61, 5), авест. usaiti „светает“, греч. αἴριον „завтра“, ἕως „заря“, лат. aurora <и.-е. \*aurosa- „заря“.

Наименование вечера в славянских языках восходит к и.-е. корню \*vespero- „вечер“: ст.-сл. večerъ, рус. *вечер*, польск. wieczór, а также лит. vākara, лтш. vakars „вечер“, vakarī „запад“, лат. vesper „вечер“, греч. ἑσπερος, кельт. fescog. Восходящее к этому же корню арм. gišer „ночь“ приобрело новое значение. Противопоставление \*aṣes- „утро“ — \*vespero — «вечер» получило в арм. своеобразное преломление, заменившись противопоставлением \*aṣes- „утро“ — \*reg<sup>U</sup>os- „темнота“, откуда в арм. обозначение „вечера“ — егек. В связи с приведенными словоформами интересно конвергентное типологическое совпадение: арм. егек „вечер“ и егек „вчера“ <и.-е. \*reg<sup>U</sup>os- и ст.-сл. večerъ и včera, рус. *вечер* и *вчера*, польск. wczoraĵ „вчера“ и wieczór „вечер“ <\*vespero-.

Обозначение дня в др.-арм. языке восходит к двум и.-е. основам: \*amer- „день“, арм. awr (позднее в XI веке — or), греч. ἡμέρα „день“ и и.-е. \*deĭ<sup>10</sup>: арм. tiv „день“ <и.-е. \*deĭ- + суффикс -и. В ст.-сл. обозначение дня восходит к и.-е. \*deĭ- + суффикс -en: ст.-сл. дьль „день“ (рус. *день*, польск. dzień, чеш. den и т. д.).

Второй член и.-е. бинарной системы в противопоставлении день-ночь — и.-е. \*nek<sup>U</sup>t-/\*pok<sup>U</sup>t- „ночь“ имеет распространение в следующих языках: ст.-сл. nošť (рус. *ночь*, польск. noc и т. д.), лит. pakti's „ночь“, др.-инд. pákti-, греч. νύκτος „ночь“, гот. pahts, нем. Nacht, хетт. pekus <и.-е. \*nek<sup>U</sup>-t-s (ср. по огласовке корня с рус. *нетопырь*, чеш. netopýr <\*nekto-pírī „летающий ночью“), при др.-арм. gišer „ночь“ <\*vespero- „вечер“.

Противопоставление «весна-осень», представленное древнейшими гетероклитическими основами на -г/п; и.-е. \*ṷesg-, род. п. \*ṷes-p-es- \*es-en „осень“, одновременно выступает и в др.-арм. и славянских языках: арм. gaṣun, прасл. \*vesna (во всех славянских языках) при основах на -г в лит. vasaġa, лтш. vasara „лето“, греч. ἅρ „весна“, авест. vahri- „весной“, др.-инд. vasantás „весна“ (с суфф. -nt), лат. vēr „весна“, др.-ирл. var то же.

\*sāy-). Однако данное соположение вызывает сомнение как с фонетической, так и с семантической точек зрения (т. р. Угашин, *Вопросы армянского языка* 1974, т. 24—27).

<sup>10</sup> Следует заметить, что и.-е. \*deĭ- обозначало не только „день“, но было тесно связано с божественным началом, с почитаемым небом. И.-е. \*deĭ-, распространенное суффиксами -и и -en, обозначало и „божество неба“, и название дня: греч. Ζεὺς πατήρ и ἑν-βίος „полуденный“, лат. Dies pater и dies „день“, др.-инд. Dyauh pita, devah „бог“ и diva „днем“, арм. tiv „день“, ст.-сл. divъ „чудо, волшебство“, лит. diėvas „бог“, хетт. šīwat „бог“, лув. tivaz „бог солнца“. С суффиксом -en: ст.-сл. дьль „день“, ли г. dienā, лтш. diena, фрак. (дако-миз.) Διϋ „Jupiter“, др.-инд. dīnam „день“, др.-перс. denus „место во времени“, производное образование в лат. pūdiūm „время от одного рыночного дня до другого“. Ср. также в этрусском: tin „день“, Tinia „Jupiter“.

И.-е. наименование *весны* обозначало в широком плане «весну» не только как время года, связанное с обновлением природы, но и воспринималось как «начало дня», о чем свидетельствует связь данного корня с и.-е. \*aues- „светить, блестеть, утро, утренняя заря“ (др.-инд. vā-sarā- „утренний“ <и.-е. \*aues-). Это древнее значение корня позволяет, по-видимому, сделать вывод об изоморфизме значений (утро-вечер, день-ночь, с одной стороны, и весна-осень, лето-зима, с другой). В этой связи интересно отметить ст.-сл. ustǫr „летний“ <и.-е. \*aus-tro „утро“.

И.-е. наименование *осени* \*es-en представлено в ст.-сл. jesenъ, рус. *осень*, польск. jesień и т. д., др.-пр. assanīs „осень“, гот. asans „жатва, лето“. Несмотря на то, что арм. ašun „осень“ имеет явную генетическую связь со славянскими, а также балтийской и германской формами, до настоящего времени наблюдаются известные фонетические трудности при возведении арм. слова к исходной и.-е. праформе. Гюбшман (AG, 1, 433) отрицает связь арм. ašun с и.-е. \*es-en, что фактически поддерживают Р. Ачарян и А. Мейе, однако Г. Зольта, настаивая на явной общности армяно-славяно-балто-германской изоглоссы, одновременно приводит праформу \*as-sk-ōn, восстанавливаемую Шефтеловицем (Zeitschr. f. Indologie und Iranistik, 6, 1928, p. 122, f), указывая при этом на явное ассоциативное фонетическое воздействие garun-ašun (аналогично арм. amafn „лето“—jmefn „зима“)<sup>11</sup>.

И.-е. \*sem- „лето“: арм. amafn „лето“ <\*sēmrom-, др.-инд. sama- „время года, год“, авест. ham „лето“, ирл. sam, кимр. hamn, гот. sumrus, нем. Sommer, англ. summer в том же значении.

В славянских языках и.-е. наименование *лета* утрачено, а общеславянское слово «лето» вызывает этимологические затруднения. М. Фасмер<sup>12</sup> допускает сближение с герм. \*leth- (др.-гутн. lārþys „весной“, шв. диал. lādning, laīng „весна“), а также др.-ирл. la(i)the „день“, галльск. lat „день“ (в календаре из Колиньи) <и.-е. \*lati-<sup>13</sup>. А. Брюкнер<sup>14</sup> считает это обозначение чисто славянским, возникшим сравнительно недавно, и сопоставляет его с глаголом *лить*: ст.-сл. leja, liiti, польск. lać, lić „лить“, диал. lić „ливень, проливной дождь“ в качестве обозначения *дождливого* времени года в противоположность *зимнему, снежному*.

Второй член противопоставления лето-зима представлен и в др.-арм. и в славянских языках: н.-е. \*g'helm- „зима“, арм. jmefn „зима“ <\*g'himerinos „зимний“, в прасл.—бессуффиксальное образование \*zima <g'helm- (во всех славянских языках), лит. žiemā, лтш. žiema, др.-пр.

<sup>11</sup> G. Solta, Die Stellung des Armenischen im Kreise der Indogermanischen Sprachen, Wien, 1960, S. 248.

<sup>12</sup> М. Фасмер, Этимологический словарь русского языка, т. II, М., 1967, стр. 488

<sup>13</sup> «Сравнительная грамматика германских языков», т. I, М., 1962, стр. 14.

<sup>14</sup> А. Врѣцкер, Słownik etymologiczny języka polskiego, Warszawa, 1970, st. 291.

semo, др.-инд. *hlmás*, греч. *ἡλίμα*, лат. *hlems*, хетт. *gemant-* и *klmant-* „зима“.

На более поздних этапах мышления должен был происходить естественный отбор парных противопоставлений. В силу изложенного план содержания каждого из изучаемых противопоставлений может существенным образом меняться в зависимости от того, в какую общую сеть отношений с другими абстрактными или конкретными классификаторами входит данное противопоставление. Учитывая прежде всего характер деятельности человека, связанный с аграрными работами, противопоставление весна-осень, лето-зима следует понимать расширенно как противопоставление времени, начинающегося с приходом весны и совпадающим с началом сельскохозяйственных работ и кончающегося сбором урожая и прекращением сельскохозяйственных работ<sup>15</sup> (ср. обозначения *осени* в греч. *ὄπ-ωρα* „сезон сбора урожая, осень“, др.-в.-нем. *herbist*, нем. *Herbst*, англ. *harvest* < и.-е. \**karpisto-* „время, подходящее для сбора урожая“).

Таким образом, противопоставление весна-осень, лето-зима образует своего рода два сезонных цикла, связанных с началом и завершением земледельческих работ, о чем свидетельствует совпадение в ряде языков таких понятий, как весна-лето (ср. лтш. *vasara*, лит. *vasarà* „лето“ < и.-е. \**vesr-* „весна“, ст.-сл. *јага* „весна“ < и.-е. \**ǵeg-* „год, лето“), либо лето-осень (ср. гот. *asans* „жатва, лето“ < и.-е. \**es-en* „осень“, хетт. *hamešhant* „осень, лето“). Подобное скрещивание понятий можно объяснить посредством такого экстралингвистического фактора, как климат. Связь временных обозначений с сезонными циклами отражается непосредственно в ритуалах и древних текстах<sup>16</sup>.

К примеру, на славянской почве получил широкое распространение и.-е. корень \**ǵeg-* «лето, год», который обычно соотносится с обозначением весны и с тем, что связано с ее плодоносящей функцией — растениями, животными, человеком. Этот корень имел и сакральное значение, выступая в именах мифологического характера: ст.-сл. *јага* «весна», рус. *яровой*, *ярый* «весенний», польск. *jaż*, чеш. *јага* «весна» и т. д., вост.-сл. *Ярило*, юж.-сл. *Јагіло* — бог плодородия в обрядах весеннего цикла. Следует отметить также, что во всех славянских языках от этого же корня образовано обозначение молодой овцы (в возрасте не более года), которая обычно использовалась при весенних жертвоприношениях и была символическим воплощением праздника весны, естественно воспринимавшегося у земледельцев как начало года: рус. *ярка*, *яровка*, польск. *јага*, чеш. *јага* и т. д. В балтийских языках и.-е. \**ǵeg-* контаминируется с \**eg-* «рогатые животные: козел, овца, корова» (*Pokorny*, I, 326), откуда и арм. *erinj* „молодая корова, телка“: лит. *éras*, лтш. *јers*, *jére*,

<sup>15</sup> К. Moszyński, *Kultura ludowa Słowian*, cz. II, zesz. I, Kraków, 1939, st. 138—140; А. Goetze, „*Language*“, 1951, vol. 27, № 4, p. 467.

<sup>16</sup> В. В. Иванов, В. Н. Топоров, *Славянские языковые моделирующие семиотические системы*, М., 1965.

прус. *eristian* „молодое животное“ (овца, коза, козел)<sup>17</sup>. Ср. по значению с греч. *ἑτήριος* „годовалый козленок“ <и.-е. \*g<sup>h</sup>eiht- „зима“. В других и.-е. языках корень \**ǵer-* получил следующее развитие: греч. *ώρα* „время, час“, *ἄρ* „утро“, *ἔτος* „время, год“, авест. *ayaγ* „день“, *yaγ* „год“, др.-инд. *āhaγ* гот. *ǵer* „год“, нем. *Jahr* „год“, лат. *hōpulus* <\**hoǵo-* „этого года“. Как видно из приведенных сопоставлений, в эпоху и.-е. языковой общности не было четкого разграничения *года* как определенного астрономического отрезка времени и *дня* как части года (и.-е. \**ǵer-* „лето, год“, ст.-сл. *jaγa* „весна“, греч. *ώρα* „время, год“, авест. *ayaγ* „день“ и *yaγ* „год“ и т. д.). Так как начало времен года и вообще понятие года в эпоху и.-е. языковой общности было недостаточно развито, древние индоевропейцы исчисляли годá по временам гóда, главным образом по зиме и лету (и.-е. \**ǵetos-* «ушедшее лето и зима»). В этой связи интересно отметить следующий параллельный типологический переход: арм. *amaγn* „лето“ и *am* „год“ <и.-е. \**sem-* „лето“ и ст.-сл. *lěto* „теплое время года“ и *lěto* „год“.

Точно выделять времена года и его части отдельные индоевропейские народы научились лишь позднее под влиянием более развитых культур, главным образом вавилонской астрономии, распространившей свое влияние повсюду. В частности, это было точное деление года на 4 части, затем деление месяца на 30 дней, а всего года на 360 дней, разделение суток на два времени и создание недели из 7 дней<sup>18</sup>.

С двумя состояниями в природе — процветанием и умиранием естественно связаны противопоставления жизни как особой силы, в частности, пробуждающейся весной природы, и смерти противопоставление юного, молодого — старому, увядающему. Древность варианта противопоставления жизнь-смерть подтверждается многочисленными языковыми факторами, позволяющими восстановить это противопоставление для эпохи и.-е. языковой общности: и.-е. \**ǵ<sup>h</sup>ei-* „жить“, арм. *keam* „живу“, *keank'* „жизнь“, ст.-сл. *ǵizнь*, др.-рус., рус. *жизнь*, польск. *życie*, чеш. *život*, в славянском языческом пантеоне — *Žywa* „*dea vitae*“, лит. *gi-vata* „жизнь“, *gyti* „оживать, возрождаться“, др.-прус. *giwato* „жизнь“, греч. *βίωτος* „жизнь“, авест. *gaja* „жизнь, время“, лат. *vita* <\**givata* и т. д.

И.-е. \**mer-* „умирать“, арм. *metanel* „умирать“, „человек, смертный“, др.-инд. *marthañ* „смертный, человек“ (в противоположность бессмертным богам), ст.-сл. *myreti* „умирать“, и-шгъtije, съmъrьbь „смерть“, рус. *мора, мара*, польск. *mora, mara, zmora*, лит. *mirtis*, лат. *mors, -tis* „смерть“ и т. д., *Morta* „богиня смерти“<sup>19</sup>.

<sup>17</sup> Ср. данные ностратических языков: алт. *п'а/г/е* «молодой, новорожденный, весна», урал. *п'оге*, то же, драв. *п'аг* «молодое растение, прорасти», сем.-хам. *п'г* «молодой, юноша»; В. М. Иллч-Свигыч, Опыт сравнения ностратических языков, М., 1971, стр. 37.

<sup>18</sup> O. S c h r a d e r, *Reallexicon der Indogermanischen Alterthums-kunde*, Strassburg, 1901, S. 389, 547, 841, 844, 976.

<sup>19</sup> Человек назывался смертным и земным, боги бессмертными и небесными: ср. лат. *homō*, гот. *guma*, ирл. *duine*, лит. *žmogùs* (ср. лит. *zēme* „земля“ и т. д.). Эти вы-

И.-е. \*juwen- „юный“, ст.-сл. јупъ „юный“, лит. jaunas, лтш. jauns, др.-инд. yuwan-, авест. yuwan, лат. iuvenis. ирл. бас, гот. juggs, др.-в.-нем. jung, англ. young „юный“.

И.-е. \*neco-го-: арм. пог „новый“, ст.-сл. новъ, лит. naujas, лтш. naujų „быстрый“, греч. νε(F)ρός, др.-инд. pada- авест. pada, лат. novus, гот. plujs, нем. neu, англ. new все в значении „новый“.

И.-е. \*mēd- „нежный, мягкий“ в др.-арм. и ст.-сл. приобрело временное значение: арм. mataē, ст.-сл. mladъ „молодой“ (с сохранением первоначального и.-е. значения в арм. mēlk < \*mel-du-i „мягкий“, нежный“, др.-греч. βλαδός „вялый“, др.-инд. mṛdu- „мягкий, нежный“, лат. mollis „мягкий, нежный“, чувствительный“).

И.-е. \*geg- „зреть, становиться старым“: арм. ser „старый, старец“, ст.-сл. зьгѣти „зреть, стареть“, др.-инд. jagas, jaga- „старение, возраст“, авест. zarta- „немошный от старости“, греч. γέρων „старец“.

И.-е. \*sen- „старый“, арм. hin „старый“, лит. sėnas, лат. senex, греч. ἄνός, авест. hana-, гот. sineigs в том же значении.

Древний и.-е. термин \*setos-, обозначавший прошедшее лето и зиму, сохранился у славян в прилагательном vetъ, vetъschъ в значении „древний, старый“, аналогично в лит. vėtušas, лтш. vėcs, лат. uetus, согд. wjšnyu „старый“ из ир. \*wat(u)šana. У греков, индийцев, хеттов и албанцев сохранилось первоначальное и.-е. значение „год“, греч. ἔτος, др.-инд. vatsā-, vatsēta, хетт. ūet, алб. vjet.

Лингвистическая модель времени предполагает всевозможные способы выражения в языке сущности физического и философского аспектов категории времени в силу того, что рост знаний человека о свойствах и законах объективного времени практически беспределен.

Лингвистическое время, имея синхронный и диахронный аспекты, соответствует объективным физическим категориям длительности, одновременности, последовательности событий и материального мира. В и.-е. языке мы имеем корень \*deu- «проникать, продвигаться». Характеристика времени с точки зрения длительности аналогично отражается как в др.-арм., так и в славянских языках следующими параллелями: арм. tevet „длиться, оставаться“, tev „длительность, продолжительность“, ст.-сл. давѣ „давно“, давьпъ „древний“, серб.-х. *даван*, *давна*, *давни*, рус. *давно* и т. д. Родственно греч. δῆν „долго“, лат. dūdum „иславно, только что, прежде“, др.-инд. dūga- „далекий“.

Ограничение длительности во времени со значением «сегодня» выражается типологически параллельными образованиями: арм. ays awr «сегодня», ст.-сл. дьпъ-сь в том же значении.

Сочетание дейксиса со словом «день» ограничивает время, включая элемент наглядности, имплицитно соотносенный с положением во времени. Эта группа включает также слова и словосочетания, основанные

---

ражения так широко распространились, что название человека (др.-инд. mapiṇ и mapiṣaṇ, ст.-сл. мажь, гот. mappa) в большинстве языков исчезло.

на том же соотношении (арм. *erēk* „вчера“, ст.-сл. *въѣга*, арм. *vaē* „завтра“<sup>20</sup>, ст.-сл. *za utra*, арм. *ard* „сейчас, теперь“, рус. *сей-час* и т. д.).

Удоболение атрибутов времени пространственным атрибутам нашло свое выражение в том, что слова первичного временного значения не отделяются от пространственных представлений, что сохраняется и в современных языках, отражая диалектическую связь пространства и времени как объективную реальность (ср. рус. *далеко за полночь, три года назад*, англ. *about thirty years ago* „тридцать лет тому назад“).

Об этом свидетельствуют также нижеприводимые примеры достаточно общих типологических совпадений, относящихся к языкам различных традиций: и.-е. *\*duros-* „длинный, далекий“, арм. *erkar* „долгий“ (о времени) и *erkaup* „длинный“ (о пространстве) < и.-е. *\*dca-го-*, ст.-сл. *dĭlgъ* „длинный и долгий“, аналогично лтш. *iġs*. Особенно наглядно это проявляется в употреблении чисто временных наименований для обозначения географических направлений: ср. польск. *połnoc* „полночь и сев.-р“, *południe* „полдень и юг“, рус. *полуденный*, диал. *лето* „юг“, лат. *meridies* „полдень и юг“, лтш. *vakars* „вечер“ и *vakari* „запад“, аналогично в лит. *vakaras* и *vakarai*, нем. *morgenländisch* „восточный“, *Abendweite* „западная долгота“ и т. д.

Таким образом, представление о времени в эпоху и.-е. языковой общности воспринималось как исчисляемое количество, аналогично пространственным величинам.

Данное представление о «времени» повлияло на образование абстрактных понятий, составляющих современные астрономические временные обозначения.

В основе этой семантической закономерности лежит очень древний обычай считать по зарубкам, что было связано прежде всего с архаической процедурой отмеривания, истоки которой лежат в хозяйственной практике человека. Конкретное значение «отрезок, часть», в своей функции фиксации дискретных моментов постепенно приобрело абстрактное понятие «время».

Ср. следующий ряд значений: и.-е. *\*di-* „разделять, разрезать“. *\*dai-lo-* „часть“, арм. *ti* „возраст, год, день, время“ < *\*di-*, др.-сев., др.-в.-нем. *tid* „время, час“, совр. нем. *Zeit*, англ. *time* „время“, при ст.-сл. *dělъ* „часть“, гот. *dails* то же, др.-в.-нем. *tellan* „делить“; и.-е. *\*kes-* „часть“, ст.-сл. *čas* „время, час“, рус. *час*, польск. *czas* „время“, др.-прусс. *kisman* < *\*kesman*, алб. *kohë* „время, час“<sup>21</sup>; и.-е. *\*(s)ker-* „резать“, греч. *καίρος* „время“, первоначальная форма *\*kri-ĭ-os*, соотносящаяся со славянскими формами: рус. *корь* «корень», польск. *kierz* «куст», которые сохраняют первоначальное значение «что-то отре-

<sup>20</sup> Р. Ачарян, указ. соч., стр. 6, 518, указывая на груз. *xwal, xwala, xwale* «завтра», предполагает общий с армянским источник (*\*xwal*); Г. Б. Джаукян приводит в качестве отклонений от и.-е. закономерностей в арм языке (и.-е. *\*k<sup>u</sup>ei-* «далекий») («Очерки по истории дописьменного периода армянского языка», Ереван, 1967, стр. 126).

<sup>21</sup> „Scando-Slawica“, IV, 1958, стр. 286–307.

занное» <и.-е. \*(s)ker<sup>22</sup>. Под эту же модель подходит и обозначение «месяца». По общему мнению<sup>23</sup>, индоевропейские соответствия «месяца» обозначали первоначально единицу измерения времени по лунным фазам, которая была главной основой индоевропейского времяисчисления.

В связи с этим рассматривается и.-е. корень \*me- „мерить“, тот же, что в санскритском глаголе māti, mīmāti „мерит“ (ср. с хетт. mehur „время“, лат. metior, гот. mēl в том же значении <и.-е. \*me-). К этому же корню восходит и.-е. название месяца, откуда арм. amis „месяц“, ст.-сл. mēsъсь, лит. mėnesio, лтш. mėnes(is) „месяц“, др.-инд. māh, авест. и др.-перс. māh „месяц, луна“, греч. ион. и атт. μᾶς; „месяц“, гот. mēna „луна“ и mēnors „месяц“, лат. mēnsis<sup>24</sup>,

Древние славянские названия месяцев дохристианского периода возможно восстановить по названиям, сохранившимся у всех славян в текстах IX и X веков: sěčepъ, suchy]. grudenъ, prosinъсь, studenъ, brězъnъ, travenъ, čъvenъ, sгъръль, vřesenъ, listopadъ, duben, leden, lipenъ, sěnokosъ, květen и некоторые др. Зимой употреблялись разные наименования, для морозного времени, весной — для времени цветения берез, летом — для времени, когда жали хлеба, осенью — когда опадают листья<sup>25</sup>. Нумерация и распределение месяцев были неточны и были связаны прежде всего с климатическими зонами обитания славянских племен.

У армян в языческую эпоху различалось 12 месяцев:

1) Nawasard (август)—месяц, обозначавший начало года (из персидского nawasarta).

2) Hofl (персидское хуртат, являющееся египетским заимствованием. Месяц, соответствующий сентябрю, названный в честь бога Гора).

3) Sahmi (октябрь)—месяц, названный по имени одной из дочерей Гайка. По мнению Ачаряна (Э. С. V, 235), является заимствованием из грузинского.

4) Trē (ноябрь)—месяц, названный в честь бога Тира.

5) K'aēoc' (декабрь)—по имени одного из сыновей Гайка, согласно другому мнению (Ачарян, Э. С. V, стр. 565), восходит либо к обозначению жатвы k'aē, либо к обозначению самца кроля).

6) Arac' (январь)—по имени одного из сынозей Гайка.

7) Mehekan (февраль) из пехлевийского \*mihakan (Ачарян, Э. С. IV. 958, 959).

<sup>22</sup> В латинском языке обозначение *времени* восходит к и.-е. \*temp- \*tomp- «тянуть, растягивать, напрягать», лат. tempus «время».

<sup>23</sup> Я. Отрембский, Из области славянского и балтийского словообразования, ст.-сл. mēsъсь и лит. mėnuo («Балто-славянский сборник», М., 1972, стр. 186 и сл.).

<sup>24</sup> В связи с приведенными словоформами следует отметить такой интересный типологический переход, как образование в др.-арм., ст.-сл. и лат. языках из и.-е. \*leuk- «светить, свет» наименования для *месяца* как космического светила, наряду с обозначением *месяца* как единицы исчисления времени: арм. lusin, ст.-сл. lupа, лат. lupa «луна». Данное слово относилось к сакральной сфере и является новообразованием (ср. данные германских языков, где обозначение *луны* как космического светила и *месяца* восходят к об.-герм. \*mēpōr «луна, месяц», др.-нсл. māne «луна, месяц».

<sup>25</sup> Л. Нидерле, Славянские древности, М., 1956, стр. 414.

8) Areg (март) — месяц, связанный с обозначением солнца — арегак. Еще в XII веке среди армян имело распространение поклонение солнцу. Они называли себя aге-ogdik «дети солнца».

9) Ahekan (апрель) — иранского происхождения. Этот месяц называли также haguac' — время, связанное с проведением сельскохозяйственных работ.

10) Mageri (май) — месяц, названный в честь одной из дочерей Гаика, месяц, когда ели мясо и плоды.

11) Margac' (июнь) — из персидского \*margazana — название месяца для времени высживания птенцов (Ачарян, Э. С. IV, 898, 899).

12) Hrotic' или hrotic' (июль) — месяц, связанный с обозначением огня — hug.

Для изучения древнейшего духовного мира и истории человеческого общества исключительный интерес представляет то, что корни, имеющие временное значение во многих языках, относящихся к различным культурно-языковым традициям, получили свое развитие: доля → богатство → судьба → участь «fortuna vitae» — своего рода олицетворение богатства в абстрактной форме, связанного с *благоприятным завершением* отрезка времени, что является одной из существенных черт и.е. глоттофорной общности в качестве отношения между сферой практической и миром сакрального.

И.е. корень \*di-, \*da-, \*dal-, легший в основу временных обозначений (арм. ti «возраст, год, день, время», нем. Zeit, англ. time «время») в своем производном образовании \*dai-lo имеет значение «доля, богатство, благо» (ст.-сл. dělъ «часть» и dol'a «участь, судьба», аналогично ст.-сл. čęstъ «часть» и съ-čęstъje «счастье»). Ср. также аналогичные отношения в целом ряде слов других и.е. языков: др.-греч. δίκη «обычай, уклад, справедливость» и χρός «время»<sup>26</sup>, включая и такие персонифицированные понятия типа греч. Немезида, инд. Бхага, Анша и др., с характерным кругом значений, «отрезок, мера, граница, предел, решение, приговор, участь», понимаемых конкретно в пространственном и временном плане как отрезаемый надсел, предопределенная доля. Особенно наглядно это семантическое значение проявляется в представлениях о боге как о раздающем богатство (доггреч. εἶπον): ведийск. Bhagaḥ «наделитель», Mitra bhāga, авест. Miθra bāya «Митра одевающий», др.-перс. бага «бог», ст.-сл. богъ, греч. εἰσδυτής «раздатель благ» в качестве эпитета Гермеса. У римлян аналогичное представление прослеживается в культе Термина, лат. Termīnus «бог границ, пределов», выступавшего в качестве малого божества, связанного с Юпитером.

Обожествление «предела, доли», понимаемых в широком плане как благоприятное завершение отрезка *времени*, выступает в ряде соответствий, образованных от и.е. \*reg- «продвигаться вперед» и его вариан-

<sup>26</sup> L. R. Palmer, The Indo-European Origins of Greek Justice („Transactions of the Philological society“, 1950, p. 165).

га \*rog- со значением «пора, благое время, сила»: ст.-сл. рога «урочное время» и рога «сила». Этот корень выступает и для обозначения божественных персонажей, связанных с плодородием, например, Поревиг у балтийских славян. Согласно мнению Р. Якобсона<sup>27</sup>, в этом имени так же, как и в славянском Яровите, «обозначалась одна из форм или фаз мужской силы, одно из времен года и соответственно одна из ипостасей многоликого божества». Аналогичные параллели прослеживаются и в других языках: греч. Πέρα; «предел» и Πέρω; как обозначение древнейшего из богов<sup>28</sup>, иран. основа rag- «часть, доля»<sup>29</sup> и чисто временное обозначение в ягнобском: хигё nidakё raga wesçё «спускается во время заката солнца» (ср. с рус. *в вечернюю пору*)<sup>30</sup>.

В др.-арм. языке \*рег-/\*рог- имеет пространственное и временное значение: арм. hefi «далеко» и horđan tal «идти вперед», heru «в прошлом году», др.-инд. rāgañ «далекий, потусторонний», греч. Πέρα(ν) «по ту сторону, дальше».

Связь времени с движением, представление о нем как о *коловращении, коловороте* вытекает из циклических явлений природы. В ст.-сл. абстрактное понятие *время* возводится к и.-е. \*wert- «вращать, вертеть»: ст.-сл. vгешę, др.-рус. *веремя*, рус. *время* < ст.-сл. vгешę; ср. с аналогичными представлениями о времени в Индии: sūrya... sakrām «солнца колесница» (Rv, 5, 29, 10), в ведическом гимне о божественных близнецах Яме и Ями также упоминаются два колеса (колесницы) в качестве образа—уподобления солнечного символа: rāthyeva sakrā < и.-е. \*k<sup>h</sup>el- (Rv, X, 13), в ягнобском—хиг азїwórt «солнце повернулось»—о зимнем солнцестоянии (ср. с рус. *солнцеворот*)<sup>31</sup>. В Риме широко был распространен культ Вертумни, лит. Vertumpnis, Vortumnus—бог смены времени года (ср. также производные образования: anno vertentis «в продолжении года», Finis mensis vertentis «текущего месяца»; «повторяющийся каждый год» < annus-vertō).

Таким образом, как видно из приведенных сопоставлений, при образовании абстрактных временных обозначений выявляется их тесная связь как с социально-хозяйственными, так и с космологическими явлениями.

Обозначение возраста по годам явление довольно позднее (ср. арм. ат «год вообще» и tagi «один год», алб. moshё «годы» и подобные названия в славянских языках). В связи с вышеизложенным интересно

<sup>27</sup> Р. О. Якобсон, Роль лингвистических показаний в сравнительной мифологии (доклад на VII Международном конгрессе антропологических и этнографических наук, М., 1964, август).

<sup>28</sup> L. R. Palmer, указ. соч., стр. 165.

<sup>29</sup> В. В. Иванов, В. Н. Топоров, Исследования в области славянских древностей, М., 1974, стр. 250.

<sup>30</sup> И. М. Дьяконов, В. А. Лившиц, Новые находки документов в старом Нице («Переднеазиатский сборник», II, М., 1966, стр. 70).

<sup>31</sup> М. С. Андреев и Е. М. Пещерова, Ягнобские тексты с приложением ягнобско-русского словаря, составленного М. С. Андреевым, В. А. Лившицем и А. К. Писарчик, М.—Л., 1957, стр. 368

отметить тот факт, что первоначальные названия со значением «возраст», «век» заключают в себе такие представления, как «рост, сила, достижение определенной силы». Ср. следующий ряд значений: и.-е. \*er(ə)d-, \*er(ə)dh- «высокий, расти», ст.-сл. *rastŏ* «расту» и *vъzdrastъ*, др.-рус. *възрост*, рус. *возраст* < ст.-сл. *vъzdrastъ* (ср. с др.-инд. *vrddi-* «рост»), лат. *arduus* «высокий», авест. *эгэвдв* в том же значении, алб. *gjit* «расту», арм. *ordi* «сын»). И.-е. \*al- «расти», греч. *ἄλιξις* «возраст», нем. *Alter* «возраст», *drei Jahre alt* «росший в течение трех лет», гот. *alts*, нем. *alter*, др.-в.-нем. *altar* «старый» при лат. *altus* «высокий». Под эту же модель подходит и арм. *hasak* «возраст» от глагола *hasanel* «достигать», соответствующее семантически вышеприведенным словоформам.

Этимология ст.-сл. *вѣкъ* прозрачна и легко объясняется следующими параллелями: и.-е. \**weig-*, \**wik-* «проявлять силу, особенно враждебную», ст.-сл. *вѣкъ*, лит. *viēkas* «сила, жизнь», лтш. *vēlsu-*, *vēlkt* «одолевать», др.-исл. *veig* «сила», др.-сев. *weig* «сила», лат. *vincō*, -ere «побеждать». Ср. также ст.-сл. образования от корня \**weig-* того же значения, что и \**weig-*, \**wik-*: ст.-сл. *vojъ* «воин», *voj* «войско», лат. *vis* «сила», др.-инд. *vayas*.

Аналогичная модель прослеживается и в других языках: \**aiu-* «жизненная сила», авест. *āyu-* «продолжительность жизни», др.-инд. *āyu* «жизнь, жизненная сила», лат. *aetās*, *aevus*, *aevum* «вечность, время, век», др.-в.-нем. *āvido* «вечность», кельт. \**aito* со значением «время, жизнь», а также «возраст, лета», тох. *ayup* «жизнь, дух, душа (ш < \*апш «жизнь»)». Относящееся к этой же семантической группе праславянское \**doba* восходит к и.-е. основе \**dhabh-* «прилаживать, подходящий». Это слово получило распространение в рус.-диал. *доба* «время, пора», в мою *добу* «в моем возрасте», укр. *доба* «время, сутки», болг. *доба* «время, пора», серб.-х. *доба* «эпоха, век, пора, период», этот же корень с суффиксом -го- в арм. *darbin*, лат. *faber* «мастер, творец, умелец», ст.-сл. *dobrъ* «добрый, благой».

Под эту же семантическую модель подходят и славянские временные обозначения из и.-е. \**ghadh-* «связывать, соединять, приносивать, прилаживать»: ст.-сл. *godъ* «время, час», рус. *год*, словен. *gōd* «пора, спелость, праздник, годовщина», чеш. *hod* «время, праздник», польск. *godzina* «время, минута» при лит. *gadas* «соединение», герм. \**gad-*, др.-фриз. *gada* «соединение», ср.-в.-нем. *gegate*, *gate* «товарищ, друг», англ. *gōd*, нем. *gut* «хороший». Первоначальное значение сохранилось в целом ряде производных слов: ср. рус. *годный*, *угодить* и т. д.

В качестве параллельного типологического образования интересно отметить армянское временное обозначение *agd* «сейчас, теперь» из и.-е. \**ag-* «связывать, присоединять, прилаживать».

Особую группу составляют более поздние временные обозначения, заимствованные из других языков: в арм. *dag* «век» — из семитского источника, *žam* «время», *vaug* «место во времени», более позднее «ми-

нута», являющиеся иранскими заимствованиями, а также греческое заимствование горе «минута»; в славянских языках — чеш., польск., рус. *minuta* из лат. *minuo* «уменьшаю», а также западнославянские заимствования из нем. *Weile* «время, минута»: польск. *chwila*, чеш. *chvila*, рус. заимствование *момент* из нем. *Moment* < лат. *momentum* < *moveo-ere* «двигаю».

Таким образом, сравнительный анализ временных обозначений в др.-арм. и ст.-сл. языках (с привлечением фактов современных славянских языков) позволяет выделить среди них четко очерченную и довольно многочисленную группу совпадений, включающих наименования промежутков времени, связанных с движением земли: арм. *amis*, ст.-сл. *iněšesъ*, арм. *garun*, ст.-сл. *vesna*; арм. *jšefn*, ст.-сл. *zima*; арм. *ašun*(?), ст.-сл. *jesepъ*; арм. *ařawot*, ст.-сл. *utro*; арм. *giřer*, ст.-сл. *veřerъ*.

О большой древности вышеуказанных обозначений свидетельствует их фонетическое оформление, представленное либо корневыми именами, либо гетероклитическими основами на -г/-п.

Обозначение целого периода человеческой жизни от рождения до смерти и связанные с ним противопоставления молодого-старому также представлены образованиями, разделяемыми и др. — арм. и ст.-сл. языками (арм. *keank'*, ст.-сл. *žizнь*, арм. *seg*, ст.-сл. *зыгѣль*, арм. пог. ст.-сл. *повъ*, арм. *mataē*, ст.-сл. *mladъ*).

Временные обозначения, образующие ассоциативные понятия как по смежности, так и по противопоставлению, в некоторых случаях под влиянием аналогии уподобляются и в фонетической форме. Действие аналогии особенно бросается в глаза при образовании следующих противопоставлений: зима-лето, арм. *jšefn-amařn*, весна-осень, арм. *garun-ašun*. Этот процесс прослеживается и в более поздних заимствованиях: арм. *september*, *hoktember* (вместо *oktober*).

Среди совпадений следует особо отметить слова, характеризующие длительность промежутков времени: арм. *tev* «длительность, продолжительность», ст.-сл. *davě* «давно».

Помимо приведенных параллелей, следует отметить также сходные армяно-славянские конвергентные явления: а) соотносительность с пространственными атрибутами — арм. *erkağ* «долгий», *erkaun* «длинный», ст.-сл. *dlъgъ* «длинный и долгий», б) ограничение во времени — арм. *aus-awt*, ст.-сл. *днь-сь* «сегодня», в) параллельные типологические переходы — арм. *erek* «вечер», *erēk* «вчера», ст.-сл. *veřerъ* и *въсера*, арм. *ař* «год», *amařn* «лето», ст.-сл. *lěto* «время года» и *lěto* «год».

Сравниваемые языки объединяются не только исходной общностью модели времени, но и типологической общностью, имеющей в своей основе сходные черты исторического развития (географическую близость, одинаковое восприятие времени, единые типы временных циклов, социально-хозяйственный уклад и т. д.): I. резать → рубить → время: арм. *tī* «возраст, годы, дни, время», нем. *Zeit*, англ. *time*; ст.-сл. *časъ*, др.-прус. *kis-maп*, алб. *kohē* «час»; греч. *χαῖρος* «время», сюда же относятся и наз-

вания *месяца*, восходящие к корню \*mē- „мерить“; II. достигать какого-либо предела→проявлять силу→расти→время: арм. hasak „возраст“ <hasanel „достигать“, ст.-сл. vьzdrastь „возраст“, věkъ „век“, нем. Alter „возраст“, лат. aetās „время, жизнь“; III. представление о времени как о коловращении: ст.-сл. vreme „время“, лат. anniversarius „повторяющийся каждый год“; IV. прилаживать→подходить→соединять→время: рус. диал. доба „время, пора“, укр. доба „время, сутки“, польск., чеш., слов. doba „момент, пора“ <и.-е. \*dhabh-; ст.-сл. godъ „время, час“, рус. год, польск. godzina „минута“ <и.-е. \*ghadh-, арм. ard „сейчас, теперь“ <и.-е. \*ag-.

Самыми поздними являются временные обозначения, возникшие в языках вследствие их различного исторического развития. Это либо описательные наименования (рус. *время жизни*, чеш. doba života, словен. čas или (doba) življenja, нем. Lebens Zeit, англ. life time и т. д.), либо заимствования из других языков, что характеризует специфические условия существования, находящиеся в прямой зависимости от экстралингвистических факторов (арм. žam „час“, dag „век“ и др.; чеш., польск., рус. minuta, польск. chwila, чеш. chvíla и т. д.).

Образование и развитие временных обозначений имеет социальную значимость, характеризуя развитие материальной и духовной стороны жизни человеческого коллектива и за пределами этой сферы знаменует собой широкий взгляд на единение человека и природы, охватывающий все происходящее в окружающем мире изменения и процессы.

**ՀԵՒԵՎՐՈՊԱԿԱՆ ԺԱՄԱՆԱԿԱՅԻՆ ՀԱՍԿԱՅՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԸ ԵՎ ԴՐԱՆՑ ԶԱՐԳԱՅՈՒՄԸ ՀԱՅԵՐԵՆ ՈՒ ՍԼԱՎՈՆԱԿԱՆ ԼԵՋՈՒՆԵՐՈՒՄ**

ԼՅՈՒԿՎԻԿԱ ՍԱՐԱՋԵՎԱ

Ա մ փ ո փ ու մ

Գրաբարի և հին սլավոնների (ինչպես նաև սլավոնական այլ լեզուների) ժամանակային նշանակումների համեմատական վերլուծությունը հնարավորություն է տալիս ամենից առաջ առանձնացնելու զուգահեռությունների մի խումբ, որի մեջ մտնում են երկրագնդի շարժման հետ կապված ժամանակահատվածների անվանումները՝ հայ. գարուն և հ. սլ. vesna, հայ. ձմեռ և հ. սլ. zima, հայ. աշուն և հ. սլ. jesenъ, հայ. առավոտ և հ. սլ. utro, հայ. գիշեր և հ. սլ. večerъ, հայ. ամիս և հ. սլ. mēsęcъ:

Մարդկային կյանքը իր ողջ տևողությամբ կամ առանձին փուլերով նույնպես ներկայացված է զուգահեռ անվանումներով՝ հայ. մատաղ և հ. սլ. mlady, հայ. ծեռ և հ. սլ. zryělъ (ռուս. зрелый—հասուն):

Հատուկ խումբ են կազմում ժամանակի որոշ տևողությունն նշանակող բառերը՝ հայ. տե՛ւ, հ. սլ. davě «վաղուց»:

Զուգահեռությունների հիշյալ խմբերի կողքին պետք է նշել հայ-սլավոնական տիպաբանական այնպիսի ընդհանուր գծեր, ինչպիսիք են՝

ա) ժամանակային առանձին նշանակումների՝ տարածականների հետ ունե-

ցած հարաբերակցութիւնը՝ հայ. երկար, երկայն և հ. սլ. dlъгъ երկար (ժամանակի և տարածութեան մեջ). բ) ժամանակային սահմանափակման սահմանադիր եղանակները՝ հայ. այս-օր և հ. սլ. дьне-сь. գ) միատեսակ իմաստային անցումները՝ հայ. երեկ(ոյ) երէկ և հ. սլ. večегъ, vьčегa, հայ. ամառան և հ. սլ. lѣto «տարի ամառն»:

Նշված լեզուները համադրելի են ոչ միայն ժամանակի ըմբռնման միասնութեամբ, այլև տիպարական ընդհանրութեամբ, որի հիմքում ընկած են ժամանակային ցիկլերի միասնականութիւնը և միատեսակ ընկալումները՝ աշխարհագրական միջավայրի և ժամանակային ցիկլերի միասնականութիւնը, ժամանակի միատեսակ ընկալումները, հասարակական-տնտեսական պայմանների ընդհանուր գծերը և այլն: